

Литературоведение

Научная статья

УДК 82-94:281.93(571.5)

DOI 10.17223/18137083/81/5

Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков

Софья Владимировна Мельникова

Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека
имени И. И. Молчанова-Сибирского
Иркутск, Россия

Томский государственный университет
Томск, Россия

memuaristika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2106-5730>

Аннотация

Проблематика статьи связана с представлением о лиминальном статусе Сибири в российском культурном сознании и направлена на изучение особенностей его репрезентации в сибирской региональной литературе. Объектом исследования являются мемуарные сочинения православного духовенства как один из классических вариантов сибирского текста. В процессе их анализа выявляются как константные образы и мотивы в интерпретации пороговой ситуации, связанные с универсальными категориями христианского мировоззрения и объединяющие сочинения XVII и XIX вв., так и направления ее переосмысления, обусловленные историческим и идейно-эстетическим развитием сибирской духовной литературы.

Ключевые слова

сибирский текст, лиминальность, мемуарно-автобиографическая проза, православное духовенство, Аввакум, Парфений (Агеев), Нил (Исакович)

Для цитирования

Мельникова С. В. Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 63–76. DOI 10.17223/18137083/81/5

© Мельникова С. В., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 63–76
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 63–76

The way to Siberia as an experience of liminal situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th–19th centuries

Sofya V. Melnikova

Irkutsk Regional State Universal Scientific Library
Irkutsk, Russian Federation
Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

memuaristika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2106-5730>

Abstract

The article considers the idea of the liminal status of Siberia in the Russian cultural consciousness, which remains relevant today and affects the understanding of the essence and boundaries of the Siberian text of Russian literature. The aim is to expand the source base of this aspect of the Siberian text by referring to the Siberian spiritual literature. The paper analyzes the “Life of Archpriest Avvakum”, associated, according to V. I. Tyupa, with the beginning of the “conceptualization of Siberia as a liminal chronotope”. Also, the texts of the 19th century are investigated: “Tales of the Pilgrimage” of Monk Parfeny and “Travel Notes” of Archbishop Nil (Isakovich). The significance of the liminal situation for the Siberian clergy is determined by the circumstances of its ministry: most of them were not natives of the region and had their personal experience of transition. Of importance is also a high level of self-reflection, contributing to a deep understanding of that event and its fixation in memoir-autobiographical form. The works offer two versions of depicting this situation: as a mystical experience, often reinforced by visionary practice and the motive of the miraculous, referring to the hagiographic tradition, and as a time-consuming and dialogical psycho-emotional process. Whatever the case, a holistic image of the transition to Siberia is created as an existential event, the transition purpose being interpreted as the realization of the apostolic mission or as a personal “christological initiation”.

Keywords

Siberian text, liminality, memoir and autobiographical prose, Orthodox clergy, Avvakum, Parthenius (Ageev), Nil (Isakovich)

For citation

Melnikova S. V. The way to Siberia as an experience of liminal situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th–19th centuries. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 63–76. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/5

Сибирь для российского культурного самосознания – одновременно и «своя», и «чужая» территория. Данная дихотомия, оформившаяся в процессе ее освоения, остается актуальной до сих пор благодаря как объективным (природным, экономическим, национальным и прочим) отличиям, так и сложившимся стереотипам и мифологемам. Балансирование на границе «своего» и «чужого» порождает представление о лиминальном статусе Сибири, значимом в философском и методологическом отношении. В литературоведении проблему лиминальности сибирского топоса поднимает В. И. Тюпа, интерпретируя ее как сущностную характеристику «сибирского текста», непосредственно связанную с важнейшим вопросом о судьбе героя, его жизненном пути в «пороговом» пространстве, который приобретает в нем особый метафизический смысл [Тюпа, 2002]. Феномен лиминальности (см. о нем: [Фусу, 2017]), в разных его терминологических интерпретациях, можно считать в целом актуальным для исследований, связанных с изучением «сибирского текста» [Янушкевич, 2004; 2007; Замятин, 2010; Макарова, 2010].

Организующим для подобного представления является образ движения, причем движения с четким вектором и акцентированным моментом перехода. В ментальном плане этот путь может быть отражен в двух качественно различных модусах. Первый – движение навстречу Сибири как позитивное действие, активность, предопределенная волей и желанием самого человека. Его воплощения: покорение Сибири («Ермаков сюжет»); добровольное переселение в Сибирь [Айзикова, Макарова, 2009]; промышленное и торговое освоение края; его научное изучение; возвращение в Сибирь как сознательный выбор интеллигента-областника [Анисимов, 2005]. С этим действием связан мотив преобразования, в контексте которого человек ощущает себя воином, первопроходцем, естествоиспытателем, просветителем. Создается позитивный образ и самой Сибири – страны неосвоенных природных богатств и новых возможностей. В дальнейшем эта интенция проверяется и корректируется реальными условиями, в которых оказывается человек.

Противоположный модус – это движение вынужденное, его версии: каторга, этап, ссылка, переселение. В результате формируется «страдательный залог» сибирской биографии и соответствующий образ самой Сибири – ее inferнальный хронотоп: «тюрьма без решеток», пространство холода, страдания, пустоты. Человек, будучи ограничен в свободе, не может планировать какой-либо деятельности, однако это не лишает его возможности размышлять над своим перемещением в Сибирь – и он или решает умереть там, или разрабатывает позитивную жизненную стратегию, компенсирующую для него драматичность ситуации.

Значительную часть «сибиряков вольных и невольных» составляли люди духовного звания и толка – представители синодальной православной церкви и старообрядцы.

Изначально сибирское духовенство имело «пришлый» характер. Так, из 17 архиереев, управлявших Иркутской епархией с момента ее учреждения в 1727 г. до 1918 г., только один – архиепископ Михаил (М. Г. Бурдуков) – был уроженцем Тобольска. Штат преподавателей и ректоров духовных семинарий и сотрудников духовных миссий пополнялся также в основном за счет выходцев из центральной России. При этом многие оказывались в крае не по своей воле, а по распоряжению и даже «неблаговолению начальства», как открыто писал обер-прокурору Победоносцеву Иркутский архиепископ Вениамин (В. А. Благодравов) [Вениамин, 1916, с. 109]. Для старообрядцев перемещение в Сибирь было связано с мотивом изгнания: это было либо «добровольное» бегство от никониан, характерное для первых десятилетий раскола, или уход в поисках Беловодья; либо ссылка, а также массовое насильственное переселение – именно так в Забайкалье в XVIII в. появились «семейские».

Христиане – как старообрядцы, так и представители Синодальной церкви – являлись носителями особого культурного и религиозного самосознания, которое, очевидно, накладывало свой отпечаток на восприятие перемещения в Сибирь и связанных с этим изменений в личной судьбе, которые могли интерпретироваться иначе, чем первопроходцами и переселенцами из других сословий. Возникает вопрос: являлось ли для сибирского духовенства актуальным описанное выше противопоставление двух модусов восприятия пути в Сибирь, и если да, то как они переосмысливались в контексте христианской онтологии и аксиологии?

Наиболее точный ответ можно найти в мемуарах (автобиографиях, воспоминаниях и путевых заметках) как источниках личного происхождения, благо духовные лица оставили их в значительном количестве ¹.

Мемуары православного духовенства, рассматриваемые как одна из классических версий сибирского текста, составляют основную область научных интересов автора настоящей статьи. Полученные на настоящий момент результаты исследований нашли отражение в ряде публикаций: в подготовленных совместно с Т. А. Крючковой материалах к библиографическому словарю «Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века» [2016], включающему порядка 60 имен мемуаристов; в трех выпусках книжной серии «Мемуары сибирского православного духовенства XIX века», представляющей собой комментированное переиздание избранных сочинений [Громов, 2014; Православные духовные писатели..., 2018; Православные духовные писатели..., 2019]; а также в ряде научных статей по теме.

Среди рассматриваемых нами авторов по объему и значимости мемуарного наследия выделяются имена святителя Герасима (Добросердова), архиепископов Нила (Исаковича) и Вениамина (Благодрава), епископа Иакова (Домского), протоиереев Прокопия Громова и Федора Стукова. В процессе анализа их сочинений были сделаны некоторые предварительные выводы, в том числе и относительно создаваемого в мемуарах образа Сибири.

Следует признать, что духовенству не было чуждо стандартное для дореволюционной культуры восприятие Сибири как inferнального хронотопа. Репрезентировалось оно через мотивы духовной, пространственной и материальной пустоты, страха перед Сибирью или желания покинуть ее навсегда [Мельникова, 2015, с. 160; 2018, с. 184]. В мемуарах духовенства нашли отражение «описания бедственного положения коренных народов и тщетности усилий по их христианизации; развращенности русского населения и его вредного влияния на туземцев; нерационального, а иногда и варварского отношения к природе; несовершенства структур управления; общей культурной отсталости и проч.» [Мельникова, 2018, с. 185]. Сценарий личной судьбы, связанный с подобной реальностью, мог быть тоже изначально негативным. Но он, как правило, преодолевался. Объединяющим для сочинений духовенства являлся мотив Божьего промысла как подлинной причины их пребывания в Сибири. «Искомый же духовным вариантом позитивного деятельного выживания в Сибири, направленного на преобразование окружающего пространства и собственное возрождение», было миссионерское апостольское служение [Мельникова, 2015, с. 166]. Таким образом, намечена перспектива в развитии автобиографического сюжета – от пессимистического взгляда на Сибирь до осознания связанного с нею предназначения.

Однако в наших публикациях оставался нераскрытым ключевой для формирования данного сюжета мотив – мотив перехода – и формы его художественной репрезентации. Данный пробел мы и постараемся восполнить в настоящей статье. Основным материалом для нас станут тексты середины и второй половины XIX в. – периода расцвета сибирской мемуаристики. Но для изучения мотива в динамике его становления мы обратимся к одному из первых сочинений сибирской духовной литературы – «Житию протопopa Аввакума, им самим написанно-

¹ Доля сочинений духовенства в корпусе сибирской мемуаристики в середине XIX в. достигала 40 % [Матханова, 2005, с. 139–140].

му» (XVII в.), лежащему, по мнению В. И. Тюпы, «у истоков концептуализации Сибири как лиминального хронотопа русской литературы» [Тюпа, 2002, с. 29].

Строго говоря, сам путь в Сибирь протопоп описывает одним предложением: «Таже послали меня в Сибирь в ссылку з женою и детьми. И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, разве малое помянуть... повезли до Тобольска» [Житие..., 1993, с. 16]. Но Тобольск, как известно, был только началом испытаний. Ссылка Аввакума не имела конечного пункта – царские указы буквально преследовали его и загоняли всё дальше и дальше в сибирские дебри: «Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести <...> А егда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести тысяч з двадцеть от Москвы и больши будет» [Там же, с. 18]. Протопопа, по сути, приговаривают не к ссылке, а к скитаниям – и само пространство Сибири становится орудием пытки. Представление о лиминальном хронотопе, таким образом, применимо ко всему сюжету жития.

«Послали меня в ссылку»; «волокли»; «привезли»; «кинули меня в лотку»; «по камению скована... тащили»; «заставили меня лямку тянуть»; «стали волочиться»; «скитающиеся наги и боси» – используемая автором лексика для создания образа движения отражает мотив насильственного, вынужденного перемещения. Самое частое и точное слово в этом ряду – «волок»²: в нем отражено и мучительно медленное течение времени (волоки), и физическое страдание, и связь с образом земли (по ней волокут) как с архетипом в данном случае смерти.

Движению вглубь Сибири противопоставлен путь в обратном направлении: «...и мне грамота пришла: велено ехать на Русь <...> в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, ничего не боясь» [Там же, с. 31]. В пределах одного предложения меняется эмоциональный вектор: ехать на Русь «велели», но поскольку этот приказ наконец-то соответствует желанию самого протопопа, движение описывается уже как свободное, происходящее по собственной воле – не «повезли», но «поехали», без страха и под крестом.

На первый взгляд у Аввакума реализуется полностью негативный сценарий пребывания в Сибири. Но неужели сибирское пространство, которое он с готовностью покидает, так и остается для него пустым в духовном и семиотическом смысле? В. И. Тюпа смысл пребывания Аввакума в Сибири видит в «христологической инициации»: погружение в ее inferнальный хронотоп рассматривается как условная смерть и путь к духовному возрождению героя.

Для Аввакума Сибирь обладает не только inferнальностью, но и витальностью – достаточно вспомнить описание изобильного Байкала, данного Богом человеку. Витальность Сибири не исчерпывается природными богатствами, она имеет аксиологическое и онтологическое значение и свидетельствует о живом присутствии Творца, ощущение которого автор не утрачивает и в Сибири.

И сам протопоп является в Сибири не только страдальцем, но и апостолом, т. е. деятелем. Обратимся к незначительному на первый взгляд эпизоду – воспоминанию об исцелении бесноватого Федора. «А егда я в Сибири, в Тобольске, был, туды еще везли, привели ко мне бешаного, Федором звали <...> пришел ко мне бешаной мой Федор целоумен. На дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: "...Бежал-де я по пустыни третьева дни, а ты-де мне явился

² Мотив волока и противоположный ему мотив плавания как «взаимосвязанную пару лейтмотивов», определяющую «весь динамический строй образного мышления Аввакума и, следовательно, стиля его произведения», впервые выделяет В. Е. Гусев [1979, с. 260].

и благословил меня крестом, беси-де и отбежали от меня”. Аз же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего <...> А сам поплыл “в ссылку”, моля о нем света-Христа!» [Там же, с. 56]. Структура воспоминания как абсолютно новаторской для XVII в. формы повествования позволяет автору соединить в этом эпизоде несколько пространственно-временных пластов. Пустыня, в которой Аввакум является Федору, – это и реальная пустыня, и символическое внутреннее пространство – пустыня души бесноватого. Всё это формирует единство события, в котором то, что произошло с Федором, неотделимо от страданий самого протопопа и от его движения вглубь Сибири. И простая фраза – «а сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа» – приобретает формульный характер.

Таким образом, в описании своего пути в Сибирь и обратно Аввакум соединяет оба модуса, о которых говорилось выше, – и позитивный, и негативный. Мотив наказания (как чего-то внешнего по отношению к человеку и в то же время предполагающего пассивность его самого) он инверсирует в мотив испытания (уже осознанного принятия судьбы и ее истолкования) и, более того, в мотив активного деяния, апостольского по своей сути.

Будучи основанной на базовых христианских представлениях, модель перехода в Сибирь и странствия по Сибири, разработанная Аввакумом, оказывается жизнеспособной и получает развитие в сибирской духовной литературе более позднего времени, XIX – начала XX в.

Драматичные отношения с Сибирью складываются у инока Парфения (Петра Агеева, 1806–1878) – духовного писателя середины XIX в., получившего известность как автор «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения» [Парфений, 2008]³ и ряда богословских сочинений.

По своему рождению Петр Агеев принадлежал к древнему православному обряду, в котором пробыл до 30 лет (что отразилось, в том числе, и на стилистике его сочинений, в чем-то близкой к стилю протопопа Аввакума). Однако, долго странствуя в поисках истинного духовного пути, он вышел из раскола и принял православие греческого толка, будучи пострижен на Святой горе Афон в иноческий образ, а в 1841 г. и приняв схиму с именем Парфений. Инок мечтал остаться на Афоне до конца жизни, но был направлен в Россию. Семь лет, с 1847 по 1854 г., провел в Сибири, в Томске. В 1854 г. переехал в Москву, где поступил в число братии Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой лавре. Был рукоположен в иеромонаха. Являлся настоятелем Николо-Берлюковской пустыни (1856–1860) Московской епархии и основателем Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858–1872).

Сибирский период жизни описан Парфением в «Автобиографии» [Парфений, 2009], которая является прямым продолжением «Сказания о странствии...». Будучи талантливым писателем, Парфений, совершая путешествие физически, одновременно создает и его образ. Причем, как и у протопопа Аввакума, образ этот мемуарный. Аввакум пишет свое житие в Пустозерской земляной тюрьме по бла-

³ Опубликованное в 1854 г. четырехтомное «Сказание» стало предметом обсуждения и получило восторженные отклики ведущих критиков того времени: Н. Г. Чернышевского, Н. П. Гилярова-Платонова, С. М. Соловьева, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Они увидели в нем уникальное для середины XIX в. произведение – и с точки зрения языка, который напоминал «речи старца допетровской эпохи», и с точки зрения уже почти утраченного к тому времени истинно православного взгляда на мир [Бузько, 2005, с. 3–4].

гословению своего духовного отца и соратника инока Епифания. Парфений приступает к описанию своих странствий, уже прожив много лет в Томске, и также не по своему желанию, но по настоянию томского епископа Афанасия (А. Г. Соколова).

Первый раз с Афона в Россию Парфений отправляется в 1841 г. для сбора пожертвований. Посетив Киев, Москву, Нижний Новгород, Санкт-Петербург и Казань, он едет по тракту в Сибирь. Но, не достигнув Оханска, оказывается арестован как «беглый поп раскольнический» и заключен в тюрьму. Превращение путешествия в этап, а свободного путешественника в колодника можно трактовать как событие символическое – квинтэссенцию негативной энергетики сибирского пути. На этапе, в пересыльных пунктах и тюремных больницах Парфений проведет более года, до выяснения его личности и снятия обвинений.

Примечательно, что каторжный этап в Сибирь противопоставлен самой Сибири: «О! сколько они в пути примут нужды, претерпят скорбей, холода, тесноты и всяких неприятностей <...> сам их после видел в Сибири, и этот путь называют они огненной рекою, но зато там, в Сибири, благоденствуют» [Парфений, 2009, с. 90]. «Огненная река» – это и аллюзия на инфернальный хронотоп, и символ перехода и преображения.

Однако внешне драматичная ситуация самим иноком воспринимается как позитивный жизненный опыт. И дело не только в очистительном безвинном страдании. Лиминальное пространство неволи Парфений парадоксально понимает как пространство возможностей: «Я даже уже привык и хотел просить начальство, чтобы до смерти меня оставить тут жить, потому что тут можно проходить все пути спасения: можно быть пустынноиком, безмолвником и послушником, проповедником и учителем...» [Там же, с. 95] – поистине удивительные слова об остроге! В этом плане в русской литературе и истории отношение и опыт Парфения сопоставимы, пожалуй, только с опытом, вынесенным с каторги Ф. М. Достоевским.

Вкусив арестантской доли, Парфений возвращается на Афон, но только для того, чтобы в 1845 г. вновь покинуть его. Старец Арсений велит безвозвратно и уже «навсегда оставить Гору Афонскую и пустыню, и обитель и начать многолетнее странствие в Сибирскую страну, в град Томск» [Там же, с. 105]. И это уже не простое послушание: сам Парфений определяет его как «совершенное испытание» [Там же, с. 106]. Инок потрясен этим приказом: «...очень я скорбел о том <...> просил Господа Бога не оставить в таких скорбях – или конец жизни, или утешить меня» [Там же, с. 115]; будучи в Иерусалиме, «я начал колебаться мыслями, что не остаться ли мне здесь...»; «начали во мне и страсти оживляться и уныние <...> я чувствую нездоровье души моей»; «я втуне оставил старцево завещание» [Там же, с. 119].

Почему Парфений так драматично переживает эту ситуацию? Причина не в том, что ожидает его в Сибири, если его не испугали даже острог и этап. Причина в том, что он оставляет. Афон для Парфения – это рай на земле. И дорога в Россию и Сибирь – это буквально путь, по которому он будет изгнан из рая. Но особенно Парфений страдает из-за того, что старец не указывает ему цели этого испытания: в Сибири его ждет не только пустота пространства, но пустота смысла.

Объяснение он пытается найти самостоятельно в мистическом опыте сновидца и визионера. Отъезд в Сибирь сопровождают видения: о том, как старец Арсений наделяет его особым, отличным от других крестом, сделанным из части самого

Древа Креста Господня; о том, как Парфений пытается по мосту над бездной, на котором его поджидает дьявол, перейти на поле со стоящей там иконой Божьей Матери; наконец, о том, как к нему обращается сам Господь и велит прочитать 95-й псалом и успокоиться, слова псалма: «Возвестить в языцех славу Твою и во всех людех чудеса Твоя...». В этих снах сконцентрированы символические мотивы, отражающее видение Парфением Сибири и предчувствие собственной судьбы в ее пространстве: мотив избранности (особый крест); испытания и борьбы (встреча с дьяволом); перехода и обретения благодати (он всё-таки достигает иконы) и, самое главное, апостольского предназначения как искомого конечного смысла своего там существования.

Сбываются ли эти пророчества, удастся ли Парфению обрести свое предназначение? На этот вопрос мы пытаемся ответить в одной из своих предыдущих статей [Мельникова, 2015]. Резюмируя ее выводы, можно сказать, что автор создает двойственный образ Сибири, который наиболее полно описывает следующая фраза: «Ох, значителен для меня Томск; это был для меня котел, в котором семь лет Господь меня вываривал... наконец, вышел вполне увенчанным; посрамиши все враги мои, видимые и невидимые» [Парфений, 2009, с. 121]: «Сибирь – адский котел, однако и в нем у Парфения нет ощущения богооставленности, поскольку это и место испытания (ведь «вваривает» его в этом котле не дьявол, но сам Бог), и место духовной брани, из которой Парфений, как он надеется, должен выйти победителем» [Мельникова, 2015, с. 164].

Но это, скорее, желаемая модель сибирской экзистенции, нежели реальная. В реальности ей противоречат доминирующие в воспоминаниях о «томском котле» мотивы пустоты, тоски, безвременья. Долгое время Парфений скитается без места и без дела. Апостольское предназначение, которое он полагает для себя, так и остается нереализованным. Несмотря на обращения к разным церковным иерархам, в миссию его не отправляют. Огромные усилия уходят на то, чтобы добиться от Синода разрешения выехать из Сибири, которое инок получает только 7 лет спустя.

Таким образом, для Парфения Сибирь так и остается до конца не понятой и не принятой – пространством не столько чаемого им апостольского подвига и духовного возрождения, сколько «драмы одинокого существования и неосуществленного предназначения» [Там же, с. 165]. Разрешение этой драмы происходит уже за пределами авторского текста – в факте становления инока Парфения как духовного писателя, начало которому было положено в Сибири. Кроме того, его сочинение продуцирует уникальный для русской литературы мотив сибирской ссылки как результата монашеского послушания.

Иная интерпретация пути в Сибирь – не как концентрированного мистического переживания, но протяженного во времени психоэмоционального процесса и последовательного изменения в нем героя – нашла отражение в сочинении другого выдающегося сибирского духовного писателя XIX в. – архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича, 1799–1874). Уроженец Могилевской губернии и выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1825), Нил приехал в Иркутск в 1838 г., будучи переведен с Вятской епископской кафедры на аналогичную Иркутскую. В 1841 г. он был возведен в сан архиепископа Иркутского, в котором и оставался до 1854 г., вплоть до своего перевода в Ярославль архиепископом Ярославским и Ростовским.

Что послужило причиной перевода молодого вятского епископа Нила на Иркутскую кафедру, доподлинно неизвестно, но, скорее всего, это было следствие не

«неблаговоления», а, напротив, доверия к нему начальства как к успешному миссионеру и администратору, человеку известному своей образованностью и способностями. Свое путешествие по Московско-Сибирскому тракту, состоявшееся летом 1838 г., Нил описал в травелоге «От Вятки до Иркутска», который был опубликован в 1874 г. в Ярославле в составе книги «Путевые записки».

В статьях о высокопреосвященном Ниле [Мельникова, 2013; 2018] мы уже обращали внимание на то, что его первый взгляд на Сибирь был резко критическим: «Тобольск достоин не удивления, а жалости» [Православные духовные писатели..., 2018, с. 38]; «Омск – второй Иерихон: вокруг только терние и волчцы прозябают» [Там же, с. 43]; «город Колывань хуже порядочного русского села» [Там же, с. 46] и т. п. Критика сибирских городов дополняется описанием бедственного состояния самого тракта, нерациональности использования прилегающих к нему земель, дикости населяющих их народов и т. п.

Такая позиция обусловлена не только объективным состоянием самой Сибири, но и эмоциональным настроением путешественника: в эту отдаленную и чуждую ему как представителю высокой культуры и европейской цивилизации область России Нил едет не по своей воле, и будущее его в ней более чем неопределенно. Он раздражен и даже немного напуган. В результате создается не только объективно-описательный, но и субъективно-эмоциональный образ Московско-Сибирского тракта, возможно, уникальный для русской литературы, – как дороги «суеты суетствий», пустоты, безжизненности, мертвенного молчания, грусти: «Молчанием прехожу сотни верст и десятки почтовых станций, замечательных лишь уродством, голодовкою и всем тем, что страннику мира напоминает собою... суету суетствий [Там же, с. 36]; «...при мертвеном окрестном безмолвии, дорога наводит тоску...» [Там же, с. 38–39]; «От Обской переправы до Томска с лишком 150 верст. Но проехав это протяжение, оставляешь в памяти лишь то, что не видел ничего» [Там же, с. 47] и т. п.

Однако Нил явно стремится к преодолению этого ощущения и принятию Сибири. Для этого ему необходимо концептуализировать само пространство, осмыслить грядущую с ним перемену и сформулировать для себя новую концепцию судьбы. Прибегая к современной гуманитарной терминологии, можно сказать, что он сознательно выстраивает новый, но приемлемый для себя геополитический образ Сибири.

Исключительную роль при этом приобретает мотив перехода, или порога. Перешагнув Уральские горы как первый, наиболее очевидный порог, Нил как будто бы «толкает» его перед собой, устанавливая новые рубежи – не столько географические, сколько смысловые и психологические – и стирая их по мере продвижения. Так, о Барабинской степи, естественной границе между Западной и Восточной Сибирью, он пишет: «И будь это не в наше время, нам, верно, пришлось бы остановиться на берегах Барабинского моря и сказать: тут предел царства Русского! Но, благодарение Господу, Он *открыл глубины дно, сделал бездну проходною* и ввел россиян, яко древних израильян, в землю, точащую не мед и млеко, а золото и серебро» [Там же, с. 45]. Дальнейшее продвижение в Сибирь приобретает экзистенциальное значение, смещающее границы времен и происходящее по воле Господа, сама же Сибирь недвусмысленно определяется как «земля обетованная».

Особенно остро Нил ощущает крайний рубеж своего путешествия – границу Иркутской губернии: «Сердце мое говорило мне, что я на пределах той страны, где суждено мне не только преполовить, но, может быть, и скончать житейское

свое течение» [Там же, с. 51]. Завершается этот переход в Иркутске, но не в самом городе, а в Вознесенском монастыре, духовном центре дореволюционной Восточной Сибири, у раки с мощами первого иркутского епископа: «Рака Святителя Иннокентия первая представилась моим очам; мне оставалось воздать хвалу Господу, благопоспешившему путь мой, и обратиться к представительству Угодника Его, да на предлежащем мне поприще подвизаюся подвигом добрым, веру соблюду, и прочее стяжу венец правды...» [Православные духовные писатели..., 2018, с. 55].

Рака с мощами святителя – это для Нила средоточие сибирской сакральности, и символический смысл припадения к ней означает, по сути, принятие самой Сибири. Обещая уподобиться Иннокентию, Нил определяет и свой путь – как будущего просветителя, храмостроителя и миссионера. «Божественный промысел, призвавший меня на чреду пастырского служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного отечества нашего. От берегов Волжских до Ангары, и от Лены до Нерчи, Шилки, Онона и Аргуни, был я странником и тружеником» [Там же, с. 29].

Архиепископ Нил не создал автобиографии как определенного типа сочинения. Однако он всю жизнь вел путевые дневники, которые и составили в итоге его автобиографию, или «геобиографию личности». К наследию Нила в полной мере применим тезис о том, что «путевые записи и письма могут стать источником очень мощного географического образа экзистенциального путешествия, то есть путешествия, рассматриваемого в контексте и реального географического передвижения (перемещения), и этапов жизненного пути» [Замятин, 2015, с. 68].

Приведенные в статье примеры доказывают, что путь в Сибирь, находящий отражение в мемуарных сочинениях сибирского духовенства начиная с XVII столетия, интерпретируется в них как значимый экзистенциальный опыт прохождения пороговой ситуации. Параллели между текстами XVII и XIX вв. свидетельствуют о духовном единстве сочинений сибирского духовенства, наличии общего концепта судьбы человека в пространстве испытания, а изменения, усложнение описаний – о развитии духовной литературы в ее идейно-эстетической сущности.

Список литературы

Айзикова И. А., Макарова Е. А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 266 с.

Анисимов К. В. Биографический сюжет в областнической литературе и публицистике: истоки и структура // Проблемы поэтики Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. С. 176–198.

Бузько Е. А. «Сказание» инока Парфения в литературном контексте 1820–1870-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 18 с.

Вениамин (Благодравов В. А.). Частная переписка Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского с Обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым. Иркутск, 1916. 170 с.

Громов П. В. Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском / Сост. С. В. Мельникова, Т. А. Крючкова. Иркутск, 2014. 258 с.

- Гусев В. Е.* Великий писатель Древней Руси // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 236–264.
- Житие протопopa Аввакума / Сост. Н. В. Поньрко. СПб.: Глагол, 1993. 218 с.
- Замятин Д. Н.* Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. С. 7–27.
- Замятин Д. Н.* Путешествие: пространство, образ, реальность // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 5 /6. С. 64–78.
- Макарова Е. А.* Специфика бытования «сибирского текста» в литературной ситуации последней трети XIX века // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Коллективная монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. С.45–62.
- Матханова Н. П.* Мемуары сибирского духовенства XIX века // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XIX века: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 137–146.
- Мельникова С. В.* Миссионер, ученый, философ, поэт: образ автора-путешественника в «Путевых записках» архиеп. Нила (Исаковича) // Вестник Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 100–107.
- Мельникова С. В.* Пространство «духовного глады» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 5 (37). С. 157–171.
- Мельникова С. В.* Сибирь как объект научного, философского и художественного осмысления в сочинениях архиепископа Иркутского Нила (Н. Ф. Исаковича, 1779–1874) и епископа Якутского Иакова (И. П. Домского, 1823–1889) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 52. С. 184–200.
- Парфений (Агеев П.).* Странствия по Афону и Святой Земле. М.: Индрик, 2008. 272 с.
- Парфений (Агеев П.).* Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеймонова монастыря на Афоне). М.: Индрик, 2009. 255 с.
- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века: Материалы к биобиблиографическому словарю / Сост. С. В. Мельникова, Т. А. Крючкова и др. Иркутск, 2016. 88 с.
- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / Сост. С. В. Мельникова, Т. А. Крючкова. Иркутск, 2018. 352 с.
- Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Дневники святителя Герасима (Г. И. Добросердова) / Сост. С. В. Мельникова. Иркутск, 2019. 192 с.
- Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
- Фусу Л. И.* Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2017. Vol. 6, iss. 3A. P. 240–246.
- Янушкевич А. С.* Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: Науч. докл. междунар. науч. конф. Иркутск, 2004. С. 227–235.

Янушкевич А. С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: Сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 334–345.

References

Ayzikova I. A., Makarova E. A. *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement to Siberia in the literature of Center and the Siberian region of Russia 1860–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk, TSU Publ., 2009, 266 p.

Anisimov K. V. Biograficheskiy syuzhet v oblastnicheskoy literature i publitsistike: istoki i struktura [Biographical plot in regional literature and journalism: origins and structure]. In: Anisimov K. V. *Problemy poetiki Sibiri 19 – nachala 20 veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of poetics of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, 2005, pp. 176–198.

Buz'ko E. A. "Skazanie" inoka Parfeniya v literaturnom kontekste 1820–1870-kh godov [The "Stories" of the Monk Parthenius in the literary context of the 1820–1870 s]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tver, 2005, 18 p.

Fusu L. I. Kontseptsii liminal'nosti v nauchnom diskurse kak mezhdistsiplinarnaya problema [Concepts of liminality in scientific discourse as an interdisciplinary problem]. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2017, vol. 6, iss. 3A, pp. 240–246.

Gromov P. V. *Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom* [Memoirs of a contemporary about His Eminence Innokenty, Metropolitan of Moscow]. S. V. Melnikova, T. A. Kryuchkova (Comp.). Irkutsk, 2014, 258 p.

Gusev V. E. Velikiy pisatel' Drevney Rusi [The great writer of Ancient Russia]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [The Life of Protopop Avvakum, written by himself, and his other works]. Irkutsk, 1979, pp. 236–264.

Makarova E. A. Spetsifika bytovaniya "sibirskogo teksta" v literaturnoy situatsii posledney treti 19 veka [The specifics of "Siberian text" existence in the literary situation of the last third of the 19th century]. In: *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve: Kollektivnaya monografiya* [The Siberian Text in the National Plot Space: Collective Monograph]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, SFU Publ., 2010, pp. 45–62.

Matkhanova N. P. Memuary sibirskogo dukhovenstva 19 veka [Memoirs of the Siberian clergy of the 19th century]. In: *Konfessii narodov Sibiri v 17 – nachale 19 veka: razvitie i vzaimodeystvie* [Confessions of the Peoples of Siberia in the 17 – early 19th century: development and interaction]. Irkutsk, 2005, pp. 137–146.

Mel'nikova S. V. Missioner, uchenyy, filosof, poet: obraz avtora-puteshestvennika v "Putevykh zapiskakh" arkhiep. Nila (Isakovicha) [Missionary, scientist, philosopher, poet: the image of the author-traveler in the "Travel Notes" of the archbishop. Nil (Isakovich)]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013, no. 1 (21), pp. 100–107.

Mel'nikova S. V. Prostranstvo "dukhovnogo glada" i apostol'skogo podviga: obraz Sibiri v memuarakh dorevolutsionnogo pravoslavnogo dukhovenstva [The space of "spiritual glad" and apostolic feat: the image of Siberia in the memoirs of pre-revolu-

tionary Orthodox clergy]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015, no. 5 (37), pp. 157–171.

Mel'nikova S. V. Sibir' kak ob'ekt nauchnogo, filosofskogo i khudozhestvennogo osmysleniya v sochineniyakh arkhiepiskopa Irkutskogo Nila (N. F. Isaakovicha, 1779–1874) i episkopa Yakutskogo Iakova (I. P. Domskego, 1823–1889) [Siberia as Object of Scientific, Philosophical, and Artistic Comprehension in the Works of Archbishop of Irkutsk Nil (N. F. Isakovich, 1779–1874) and Bishop of Yakutsk Jacob (I. P. Domsky, 1823–1889)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018, no. 52, pp. 184–200.

Parfeniy (Ageev). *Avtobiografiya monakha Parfeniya (byvshego v Moldavii raskol'nika, zatem postrizhenika russkogo Panteleymonova monastyrya na Afone)* [Autobiography of Monk Parthenius (the Old Believer in Moldova, then the Monk of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos)]. Moscow, Indrik, 2009, 255 p.

Parfeniy (Ageev P.). *Stranstviya po Afonu i Svyatoy Zemle* [Pilgrimage around Mount Athos and the Holy Land]. Moscow, Indrik, 2008, 272 p.

Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri 18 – nachala 20 veka. Dnevnik svyatitelya Gerasima (G. I. Dobroserdova) [Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the 18th – early 20th century. The diaries of St. Gerasim (G. I. Dobroserdov)]. S. V. Melnikova (Comp.). Irkutsk, 2019, 192 p.

Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri 18 – nachala 20 veka: Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu [Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the 18th – early 20th century: Materials for a bibliographic dictionary]. S. V. Melnikova, T. A. Kryuchkova et al. (Comps.). Irkutsk, 2016, 88 p.

Pravoslavnye duhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri 18 – nachala 20 veka. Putevye zapiski arkhiepiskopa Nila (N.F. Isakovicha) [Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia of the 18th – early 20th century. Travel notes of Archbishop Neil (N. F. Isakovich)]. S. V. Melnikova (Comp.). Irkutsk, 2018, 352 p.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The Mythologeme of Siberia: on the question of the “Siberian text” of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 28–35.

Veniamin (Blagonravov V. A.). *Chastnaya perezpiska Vysokopreosvyashchennyshego Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo s Ober-prokurorom Sv. Sinoda K. P. Pobedonostseym* [Private Correspondence of His Eminence Veniamin, Archbishop of Irkutsk with the Chief Prosecutor of St. Synod K. P. Pobedonostsev]. Irkutsk, 1916, 170 p.

Yanushkevich A. S. Dikhotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian text]. In: *Evroaziatskiy mezhkul'turnyy dialog: “svoe” i “chuzhoe” v natsional'om samosoznanii kul'tury: Sb. st.* [The Euro-Asian intercultural dialogue: The “native” and “foreign” in the national self-consciousness of culture: Coll. of art.]. Tomsk, TSU Publ., 2007, pp. 334–345.

Yanushkevich A. S. Sibirskiy tekst: vzglyad izvne i iznutri [Siberian text: a look from the outside and from the inside]. In: *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva. Nauch. doklady mezhdunar. nauch. konferentsii* [Siberia: a Look from the Outside and from the Inside. The spiritual dimension of space. Sci. reports of intern. sci. conf.]. Irkutsk, 2004, pp. 227–235.

Zamyatin D. N. Puteshestvie: prostranstvo, obraz, real'nost' [Travel: space, image, reality]. *Labirint. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2015, no. 5/6, pp. 64–78.

Zamyatin D. N. Strela i shar: vvedenie v metageografiyu Zaural'ya [Arrow and sphere: the introduction to the metageography of Trans-Ural]. In: *Sibirskiy tekst v na-*

tsional'nom syuzhetnom prostranstve: Kollektivnaya monografiya [The Siberian text in the national plot space: Collective monograph]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, SFU Publ., 2010, pp. 7–27.

Zhitie protopopa Avvakuma [The Life of Archpriest Abbacum]. N. V. Ponyrko. (Comp.). St. Petersburg, Glagol, 1993, 218 p.

Информация об авторе

Софья Владимировна Мельникова, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57192918521

Information about authors

Sofya V. Melnikova, Candidate of Philology
Scopus Author ID 57192918521

*Статья поступила в редакцию 21.11.2021;
одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 21.01.2022
The article was submitted 21.11.2021;
approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 21.01.2022*